

Светлана Алешина

Неотразимое чудовище

Часть сборника
Неотразимое чудовище
(сборник)

Светлана Алешина
Неотразимое чудовище
Серия «Александра»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6147805

Алешина С. В. Неотразимое чудовище. Ночь кровавой луны: Повести.:

Эксмо-Пресс; Москва; 2000

ISBN 5-04-005782-2

Аннотация

«...Рядом со мной притормозил роскошный «Рено», дверь его распахнулась, словно дверца кареты перед Золушкой.

Увы! Я не отношусь к тем глупеньким дамочкам, которые почтут за счастье общение с нынешними «принцами»!

Поэтому я постаралась сделать вид, что ослепла и никаких таких «Рено» с гладенькими, как пасхальный кулич, водилами не вижу.

– Садитесь, – не выдержал незадачливый «принц».

Я покачала головой.

– Почему? – искренне удивился он, еще держа на своем лице самодовольную улыбку.

– Я боюсь, – мило улыбаясь, сообщила я. – В городе бродят сексуальные маньяки...

– Разве я похож? – огорчился он довольно искренне. – Мне говорили, я обаятельный...

– А маньяки бывают очень даже обаятельные, – холодно парировала я, делая шаг к подошедшему троллейбусу. – Пока!...»

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	35
Глава 4	45
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Светлана Алешина

Неотразимое чудовище

Глава 1

В глубине души каждый из нас все-таки ребенок.

Я, например, обожаю «Детский мир». Обожаю даже не покупать игрушки, а рассматривать их.

С детства я стараюсь хотя бы раз в неделю побывать в этом замечательном магазине.

Сейчас тут можно увидеть столько дивных игрушек, что сердце замирает от восторга при виде этого великолепия.

Так вот – я стояла и смотрела на этот маленький чудесный револьвер, – ну, вылитый «браунинг»!

И наплевать, что стреляет он не пулями калибра «семьдесят два и шесть», а всего лишь маленькими, круглыми «присосками» – дело-то не в этом!

Впрочем, наслаждаться долго этим зрелищем я никак не могла. Работа, господа мои, работа!

С тяжким вздохом я вышла из магазина-сказки в это пошлое и вульгарное бытие, определившее общественное сознание отнюдь не наилучшим образом.

Взглянув на часы, с ужасом убедилась, что опаздываю. Придется бежать до троллейбуса, чтобы вместо полезных ста

шагов проехать в нашем душном транспорте! Лучше, наверное, взять такси. Я почти бегом добралась до Московской и застыла там, подобно изваянию, в ожидании «извозчика».

Рядом со мной притормозил роскошный «Рено», дверь его распахнулась, словно дверца кареты перед Золушкой.

Увы! Я не отношусь к тем глупеньким дамочкам, которые почтут за счастье общение с нынешними «принцами»!

Поэтому я постаралась сделать вид, что ослепла и никаких таких «Рено» с гладенькими, как пасхальный кулич, водилами не вижу.

– Садитесь, – не выдержал незадачливый «принц».

Я покачала головой.

– Почему? – искренне удивился он, еще держа на своем лице самодовольную улыбку.

– Я боюсь, – мило улыбаясь, сообщила я. – В городе бродят сексуальные маньяки...

– Разве я похож? – огорчился он довольно искренне. – Мне говорили, я обаятельный...

– А маньяки бывают очень даже обаятельные, – холодно парировала я, делая шаг к подошедшему троллейбусу. – Пока!

– Подождите, – остановил он меня. – Может быть, вам все-таки будет скучно сегодня вечером?

– Нет, – категорично ответила я. – Не будет!

– И все-таки...

Он всучил мне белый квадратик визитки, который я чисто

машинально сжала в кулаке.

Махнув ему рукой, я влезла в переполненный троллейбус, думая о том, что не так уж много заплатила за свои принципы – всего-то небольшая давка!

Белоснежный «Рено» обиженно двинулся с места – ему явно была непонятна девица, предпочитающая старенький троллейбус.

Я взглянула на визитку. Какой-то Мальчевский... Подумаешь, важная персона.

Визитку я выкинула. Поскольку этот тип был мне совершенно не нужен, да и вряд ли настанет момент, когда он мне понадобится!

* * *

Прицелившись, я выстрелила.

Вау!

Прямо в цель!

Я гордо посмотрела на Ларикова и протянула ему игрушечный револьвер.

– Ваша очередь, сэр!

Он принял эффектную позу, прищурился и...

Промазал!

– Вот так тебе, – злорадно сказала я. – Кто из нас молодец?

– Ты, – снисходительно признал он мое превосходство.

– «Полиция Майами. Отдел нравов», – фыркнула я. – Я

Дон Джонсон.

– Не понял, – возмутился Ларчик. – И почему это именно ты Дон Джонсон? Еще две минуты назад мне казалось, что ты женщина.

– А у меня сексуальная переориентация, – невозмутимо сообщила я. – Хочу быть мужчиной! Во-первых, тогда за мной не будет охотиться этот монстр...

Я махнула рукой в сторону мрачноватого фоторобота, наклеенного на стене. Этот тип теперь украшал все заведения, связанные с «розысками и происшествиями». Правда, на мой взгляд, еще не один фоторобот не был похож на разыскиваемых. Поэтому мне казалось, что эту рожу Лариков наклеил специально, чтобы меня утешить. По его мнению, в такое опасное время моя страсть к шатаниям по ночным улицам ни к чему хорошему привести не могла. А так – взглянула Саша на это чудовище, и всякое желание прогуливаться под звездным небом у нее пропало!

– А во-вторых, – мстительно улыбнулась я огородному пугалу на стене, – я лучше стреляю! Поэтому именно я претендую на роль Дона Джонсона!

– Да ради бога, – согласился Лариков. – Я лично куда более склонен к мисс Марпл.

Как вы догадались, в нашей работе наступило затишье. В данный момент мы просто сходили с ума от безделья, и нам это, кстати, безумно нравилось. Правда, мы уже находились в той стадии блаженного ничегонеделания, когда неда-

леко уже был этап раздражения. Но пока я палила по мишеням из чудесного маленького пистолетика, как две капли воды похожего на настоящий, а Лариков увлеченно читал мне вслух мрачную газету. В газете рассказывалось про преступления, ежесекундно совершающиеся в родном Тарасове, и было непонятно, почему же мы бездействуем. Правда, меня ни одно из совершенных преступлений не заинтересовало, и я включила телевизор.

О, это было наше последнее приобретение! Этаким маленьким дружок, вытеснивший беднягу-бумбокса... Правда, иногда меня мучили угрызения совести, и я все-таки включала «старого друга», но потом являлся Ларчик и самозабвенно впуливал свой взор в экран.

Прекрасно зная, что от громкой читки описаний зверств и ужасов Ларикова может оторвать только созерцание мелькающих на экранчике лиц и фигур, я отвлекла его таким нехитрым способом.

Он затих, уставившись в экран, а я наконец-то вздохнула с облегчением.

Правда, очень скоро мне стало скучно. Делать было по-прежнему нечего, только стрелять.

Развернувшись, я посмотрела оценивающе на «монстрилу» и гордо выстрелила прямо в его нос.

– Нечего пугать несчастных девиц, – процедила я сквозь зубы.

Странно, но с образовавшейся вместо носа дыркой ма-

ньюк перестал быть страшным. Теперь он был похож на бедного сифилитика.

– Вот так тебе! – с мстительным удовлетворением сказала я маньяку.

И в это время в дверь позвонили.

– Кто-то решил нарушить наш девственный покой, – вздохнула я и пошла открывать.

«Господи, пусть это будет клиент, – взмолилась я по дороге. – Пусть это будет седой и благообразный господин, нуждающийся в нашей помощи, поскольку его юная супруга ступила на скользкий путь греха, соблазненная охранником! А то ведь, господи, очень скоро нам кушать станет нечего!»

Но сегодня господь не был расположен внимать моим молитвам.

На пороге стоял Лешенька Ванцов. Всего лишь.

– Привет, – сказал он, проходя в комнату. – Я шел мимо и жутко хочу жрать. Сашка, солнышко мое, у вас кофе с бутербродами найдется?

– Найдется, – вздохнула я, отдавая ему свой пистолетик. – Пока еще найдется. Сейчас сварю тебе кофе и сделаю гамбургер. Только, бога ради, пока я этим занимаюсь, не ругайся с моим боссом по своей милой привычке, и не палите друг в друга из револьверов!

– А зачем ты тогда дала мне свой пистолет? – спросил Ванцов. – Я думал, ты именно этого и хотела...

– От вашего остроумия, мсье, у меня начинается изжога, –

мрачно сообщила я и отправилась на кухню.

Интересно, подумала я, наблюдая, как на шоколадной поверхности кофе образуется пенка, настанет ли такой момент, когда Ванцов и Лариков сольются в дружеских объятиях?

Наверное, это из области паранормального – признала я, вздохнув. И почему у них такая патологическая несовместимость?

Кофе был готов. Очередь за бутербродами.

Я открыла холодильник и горестно вздохнула. В наличии имелся только крохотный кусочек сыра «Гауда» и та часть колбасной палочки, которая в народе ласково зовется «попкой». Вот такой тебе, Ванцов, гамбургер!

– А вся наша нищета проистекает из двух факторов, – сообщила я равнодушно вззирающим на это безобразие небесам. – Из-за телевизора, в который мы вбухали все наличные деньги. И из-за маньяка, который не подпускает клиентов к нашим гостеприимным дверям.

Не знаю уж, при чем тут был маньяк, но раз я так решила, спорить сама с собой не буду. Ни к чему хорошему это не приведет, только к ссоре, а ссориться сама с собой я сегодня не расположена. Сделав бутерброд, украсив его петрушкой и укропом, я красиво уложила это жалкое подобие еды на тарелку и отправилась в комнату.

Дверь была закрыта. И в комнате царил подозрительная тишь да гладь.

Наверное, они уже друг друга почикали – мрачно решила

я. И теперь я осталась одна с двумя трупами и без всякой работы!

Толкнув дверь, я вошла. И вздохнула с облегчением. Они разговаривали очень озабоченно и встревоженно, но вот о чем...

Этого мне узнать не удалось, потому что при моем появлении они мгновенно замолчали и обернулись ко мне с такими фальшивыми улыбочками, что меня затошнило.

Поставив перед Ванцовым тарелку и чашку с кофе, я демонстративно пошла к выходу.

– А ты куда? – осведомился Ларчик, явно обрадованный тем фактом, что я оставляю их наедине.

– Я же вам мешаю, – не скрывая обиды, проворчала я. – Беседуйте на здоровье!

Они, кажется, поняли, что жестоко меня обидели, потому как переглянулись, и Ванцов тихо сказал:

– Сашка, девочка ты наша, никто от тебя ничего скрывать и не собирается. Просто мы думали, что нам делать.

– Наверняка со мной, – кивнула я, храня на лице мину оскорбленной невинности. – Вот и думайте тут. А я на кухне посижу. Кофе попою.

– Да попей его здесь! – взмолился Ларчик. – Ванцов, давай ей расскажем, а? Все равно ведь она должна это знать! Может, будет осторожнее?

С чего это я должна быть осторожнее? Ах да.

Я бросила взгляд на рожу, занявшую по ванцовскому желанию место на моей стене.

Ванцов как раз и занимался этим извращенцем. И, как сам признавался, этот придурок его уже достал.

– Опять будешь запугивать меня зверствами? – мрачно осведомилась я, наливая себе кофе.

– Буду, – кивнул он с виноватым видом.

– Ох, Леша! Как же ты мне надоел-то с этим типом! Ну, не подхожу я на роль его жертвы, как ты не понимаешь? Ты же сам говорил – он охотится на всяких там блудниц, а у меня на лице не то что гиперсексуальность, у меня даже капли чувственности на нем не отражается! Он пройдет мимо меня, и я его абсолютно не заинтересую!

– Вот теперь я тебе кое-что объясню, – торжественно объявил Ванцов. – Посмотри-ка на этих дам.

Он положил передо мной фотки. Так картинно разложил, как пасьянс. Бедные дамы, как я без труда догадалась, стали жертвами уродца со стены.

– И что? – спросила я, рассмотрев внимательно красавиц с пухлыми губами и большими, влажными от страсти глазами. – Что ты этим мне хочешь сказать? Что я такая же красотка, как они? Я тебе не поверю!

– Во-ло-сы, – раздельно и четко сказал Ванцов.

– Ты это к чему?

– Цвет волос всех дамочек без исключения, заметь, – рыжий! Исключение составляет только последняя жертва – она блондинка. Но она крашеная блондинка, Сашенька! А естественный цвет волос у нее почти рыжий.

Идея быстро поправить наше материальное положение тут же созрела в моей башке.

– Ванцовчик, миленький, – произнесла я, глядя на него так умилительно, как только могла. – А у вас случайно еще не ввели такую должность, как «охотник за головами»? Ну, то есть вы награды не назначаете за поимку? Тысяча долларов, скажем? Меня бы устроила такая сумма! Гляди, как все здорово получается – я накачиваю губищи силиконом, делаю себе татуаж и разгуливаю по злачным местам с порочным видом! Он на меня клюет, и...

– Са-ша! – одернул меня Ванцов суровым голосом. А Лариков так холодно на меня посмотрел, что я осеклась.

– Ну, ладно. Не буду накачивать губы силиконом и делать татуаж. Раз вы такие вредные и не хотите, чтобы я помогла милиции и несчастным «жрицам порока». Буду умирать от безделья, голода и нищеты.

– «Охотница»... Надо было такое придумать! Диана ты наша! Ты вообще представляешь себе, что это за гад? – спросил Ванцов. – Ты и вздохнуть не успеешь, как он с тобой расправится! У нас специально обученные девицы на подсадке,

и то он будто чувствует, что они подсадные! Он умен и хитер, да так, что иногда у меня руки опускаются! Ни свидетелей, ничего!

— А и не надо особенного ума, чтобы распознать вашу подсадную девицу, — парировала я. — У них же актерских талантов нет! А у меня есть.

— По-моему, ты чудовищно самоуверенна, — сообщил Ванцов, дожевывая бутерброд. — Ладно, Андрей, надеюсь, ты все понял? Я могу быть спокоен за эту маленькую балбеску?

— Ах, я еще и балбеска! — возмутилась я. — Ванцов, ты съел мой последний бутерброд и обозвал меня балбеской!

— Ты такая и есть, — кивнул Лариков, не обращая на меня внимания. — Я не выпущу ее одну. Буду повсюду сопровождать.

— А если я вздумаю пойти на свидание? — поинтересовалась.

— Придется тебе терпеть его присутствие постоянно, — развел руками Ванцов, — пока мы не посадим любителя «рыжих девиц» подальше и поглубже. И, кстати, насчет любви, я бы тебе порекомендовал пока об этом не мечтать. По показаниям подружек этих несчастных, они незадолго до смерти очень изменялись как внутренне, так и внешне как раз от этого высокого чувства. Так что у меня имеются подозрения относительно его способа знакомства. Ладно, я пошел. Спасибо за то, что не дали умереть с голоду.

Он поднялся.

Если бы я не была так зла, я бы его пожалела, уж больно уставшим он выглядел! И я знала, что впереди у него – очередная бессонная ночь.

– Ванцов, – тем не менее не удержалась я от подкола на прощание, – а тебе тоже нельзя так просто по улицам разгуливать. Ты ж у нас тоже рыжий! Давай Лариков еще и тебя охранять будет!

– Я не ты, – отрезал он. – Если бы эта козлина на меня польстилась, я бы ему даже спасибо сказал. Может быть, схватил бы за яйца. Но он интересуется исключительно женщинами. Так что, любезная Александра Сергеевна, нижайше прошу вас не отдаляться от вашего босса на большие расстояния! Понятно?

– Понятно, – вздохнула я. – Только, если я в конце концов озверею от его постоянного присутствия, виноват будешь ты!

* * *

Ванцов ушел, унося с собой загадки и тайны уголовного розыска, а Лариков уставился в телевизор с таким озабоченным видом, что даже идиоту стало бы ясно – вовсе ему неинтересно смотреть на Андреа дель Бока, которую почему-то нам старательно показывали с утра до вечера.

– Ты стал интересоваться «мылом»? – нарушила я молчание, которое меня уже изрядно нервировало.

– Да, – промышчал Лариков. – А что?

– Да ничего, – произнесла я. – Если тебе это нравится, пожалуйста. Люди от безделья еще и не так крышами съезжают...

Он не обратил на мои слова никакого внимания, настолько погрузился в созерцание мук Антонеллы! Вернее, погрузился-то он в свои размышления, которые были мне очень интересны, а делал вид, что целиком поглощен придуманной трагедией, и это делало его «размышлизмы» еще более интригующими.

Ибо нет ничего интереснее для любопытного ума Сашеньки Данич, чем скрытые от нее тайны!

Как бы из него эти самые тайны выбить?

Взяв в руки свой пистолетик, я приставила его к виску Ларикова и оглушительно заорала:

– О чем вы тут говорили с Ванцовым?

Он вздрогнул от неожиданности и уставился на меня с укоризной.

– Ты же знаешь, – сказал он. – И незачем так орать!

– Я знаю только то, что вы сочли нужным мне сказать, – тихо, почти шепотом, сказала я. – А мне интересно все. Я же долго варила кофе! А на то, что мне сказал Ванцов, хватило двух минут! Где остальные десять?

– Чего?

– Десять минут разговора? – не унималась я. – О, пардон! Даже не десять – двенадцать! Двенадцать минут я варила кофе и делала бутерброд!

– Не для твоих это ушей, – отмахнулся он. – Саш, честное слово! Не надо тебе этого!

– А тебе?

– Мне надо, – отрезал он. – Потому что я тоже сыскарь. И в прошлом работал именно в прокуратуре. Если меня просят о помощи, я не могу отказать!

– Ах, вот как! – вскипела я. – А я, значит, так просто забежала с вами кофейку попить? Значит, когда надо, – Саша помоги, а сейчас мы делаем вид, что Саша вообще не сыскарь? Вспомнили, что она скромно изучает старофранцузский? Зануды вы оба!

И я уселась в углу с насмерть обиженным видом.

– В следующий раз буду умнее, – проворчала я через некоторое время, не выдержав затянувшейся паузы. – Насую вам в карманы жучков и буду знать все, о чем вы тут без меня разговаривали!

– Сашка, я сейчас молюсь, чтобы появился клиент и твое безделье перестало действовать тебе на мозги! – взорвался Ларчик. – Потому что ты такие глупости говоришь, что я с ума сойду, все это выслушивая!

– А мне теперь нельзя работать, – с мстительной улыбкой выдала я. – Потому как твой Ванцов не разрешает мне в одиночестве разгуливать по улицам! Как же я стану следить? Или ты будешь постоянно таскаться за мной?

– Ничего, я буду сам таскаться, а ты тут будешь сидеть и печатать фотографии.

Я уже придумала великолепную тираду, чтобы сбить с него эту невыносимую, чисто мужскую спесь, как наш разговор прервали.

Поэтому на звонивший телефон я взглянула с отвращением.

– Трубку, может быть, стоит поднять? – насмешливо поинтересовался Ларчик. – Или ты объявила забастовку?

– А если это маньяк? – отомстила я. – Он меня уже выследил и теперь прикидывается клиентом!

Я подняла трубку.

– Андрея Петровича можно? – голос был женский.

– Тебя, – протянула я ему трубку.

– Кто? – спросил Лариков.

– Маньяк, конечно, – улыбнулась я ему. – Прикинулся, правда, женщиной. Но это дела не меняет!

Он пропустил мои колкости мимо ушей. «Ну и ладно, – подумала я. – Все одно – от этого безделья и тревоги я сойду с ума. Лучше выпью еще кофе на кухне. Тем более что там можно послушать музыку». От передач по нашему телевизору на меня уже напали уныние и скорбь.

Впрочем, через несколько минут он тоже появился на пороге кухни. Спокойно и нахально отпив кофе из моей чашки, сел напротив и попытался растопить лед моей обиды своей улыбочкой.

– Сашенька, ты только не обижайся, ладно?

– Поздно, я это уже сделала, – отрезала я.

– Саша, ну пожалуйста!

Он встал передо мной на колени.

– Тогда расскажи о Ванцове, – потребовала я.

– Не могу! – взмолился он.

– Ну и торчи на своих дурацких коленях до второго пришествия, – безжалостно отреагировала я.

– Саша!

– Не слышу.

– Саша, а если я тебе скажу, что у нас клиент? Ты все равно не будешь со мной разговаривать?

– Клиент? – я развернулась.

– Клиентка, – кивнул Ларчик. – Я назначил ей встречу на завтра. Правда, насколько я понял, проблема у нее поменьше, чем у Ванцова, но, по крайней мере...

– По крайней мере, «клиент» означает «гонорар», и это куда интереснее, чем ванцовские глупые секреты, – меркантильно заявила я. – Это означает, что наш опустевший холодильник наполнится продуктами! А что у нее случилось? Муж пропал в объятиях распутниц?

– Не-а, – покачал головой Ларчик. – Насколько я понял из ее довольно бессвязных речей, проблемы у нее с подружкой. Но подробнее она обещала все рассказать завтра. Ну, как? Устроит нас с тобой подружка?

– Устроит, – кивнула я.

Впрочем, завтра посмотрим. И если она нас не устроит, я выужу из тебя все тайны и секреты, милый, мысленно пообещала я.

щала я ему, пряча за обворожительной улыбкой свою «под-
лую» сущность.

Глава 2

Домой меня, конечно, «отконвоировали». Но прежде Лариков, придирчиво осмотрев меня, надвинул мне шапку почти на нос. Представляете?

– Ларчик, ты посмотри сам, – ворчала я, рассматривая себя в зеркале. После его стараний я стала похожа на чудище болотное. – Я же выгляжу, как лысая! Ты мне ни одного волосика не выпустил!

– Обойдешься без волосиков, – не сдался безжалостный Лариков.

– Ну, конечно, обойдусь, – съязвила я. – Может, меня вообще в связи с осадным положением налысо побрить?

– Может быть, – задумался этот зверь вполне серьезно.

– О нет! – вскричала я. От этих садистов вполне дожدهшься и таких бессмысленно жестоких действий!

– Тогда молча терпи мое присутствие в твоей жизни, – посоветовал Лариков. – И то, что прячу твои роскошные тициановские кудряшки подальше от нескромных глаз!

– Ладно, – приуныла я. – Потерплю, хоть все равно вы с Ванцовым сатрапы и деспоты! Могли бы пролить побольше света на обстоятельства, честное слово! Никому хуже бы не было.

– Когда-нибудь прольем, – пообещал Лариков.

– Ага, когда это будет уже неинтересно.

– Скорее бы это перестало быть интересным, – вздохнул Лариков, нажимая кнопку моего звонка. Мы уже пришли, и теперь он с явным нетерпением дожидался, когда он сдаст меня прямо в руки моей маме, – а то у меня от всего этого мурашки по коже бегают!

* * *

– Почему он не остался выпить чаю? – озадаченно спросила мама, провожая взглядом долговязую фигуру Ларчика, стремительно несущегося вниз по ступенькам. – Вы опять поругались?

– Нет, но я бы это охотно сделала, если бы не его высочайшее положение! – сказала я. – Не обращай внимания – у них с Ванцовым образовались загадочные дела. Они усиленно ловят маньяка, потому что, по их предположениям, я рискую стать его жертвой!

– Ох, какое самомнение! – возмутилась мама. – Конечно, если бы не ты, они бы его и ловить не стали! Но раз дело касается тебя, тогда конечно... Тогда и только тогда стоит заняться его поимкой.

– Да фиг они это сделают без моей помощи, – жизнерадостно объявила я. – Так что зря они покрыли все мраком загадочной тайны.

Мама на сей раз мое нахальное утверждение пропустила мимо ушей.

– Тебя разыскивала Эльвира, – сообщила она.

– О господи! Неужели она вернулась из своих Арабских Эмиратов ни с чем? – простила я. Эльвира клятвенно заверяла меня, что она едет туда с одной-единственной целью – заполучить в мужья какого-нибудь шейха. Если ей не удалось этого сделать, мне придется терпеть ее стенания и плачи, а это – не для слабонервных, честное слово!

– Понятия не имею, с чем она явилась, – пожала мама плечами. – Сюда она пока не заходила. Обещала забежать завтра.

О бог мой! Какая тоска! Все интересное откладывается на завтра!

– Похоже, сегодня мне остается только одно – заснуть, – вздохнула я. – Может, хоть в снах что-то занимательное покажут?

* * *

Ничего особенно интересного я во сне не увидела. Так, смурь какая-то приснилась. Я будто моталась по городу и искала подарок для Эльвиры. Увы, ничего похожего на шейха мне не попало, и я купила ей за чем-то набор акварельных красок. Потом явилась Эльвира собственной персоной, и я вручила ей подарок. Она тут же начала рисовать этими красками портрет шейха, и я почувствовала себя полной тупицей. Так что со снами у меня в эту ночь ничего путного не

вышло.

Проснулась я довольно поздно – за окнами уже вовсю светило весеннее солнышко, и вчерашняя погода с туманом и слякотью казалась тоже сном.

– И весь прошедший день, если разобраться, был похож на какой-то кретинский сон, – проворчала я, потягиваясь. С удовольствием отметив, что сегодняшний день обещает быть лучше – хотя бы погода прекрасная, я вышла на кухню и остолбенела. Прямо напротив мамы с чашкой кофе в руке сидел мой босс.

«Та-а-ак, – подумала я. – Кажется, и солнце не в состоянии меня спасти! Похоже, вчерашний кошмар продолжается».

– Привет! – весело улыбнулся мне Ларчик.

– Доброе утро, – хмуро приветствовала я его. – А что ты тут, собственно, делаешь? Боишься, что не приду на работу?

– Саша, ты опять? Разве мы вчера не закончили этот спор?

– Нет, – покачала я головой, отрицая факт окончания своей борьбы за независимость. – Мы его только начали. И ты должен все-таки учесть и мое мнение!

Он стерпел мое хамство и терпеливо ждал, пока я умоюсь, почищу зубы, оденусь, позавтракаю и сделаю еще массу полезных и не очень полезных дел. Причем не надо вам говорить, что я копалась как можно дольше, искренне надеясь, что его терпение все-таки лопнет.

Но – нет! Сегодня он был ангельски терпелив. Поэтому и

мне пришлось «смирить гордыню».

Тем более что мое сопротивление было просто безнадежно!

* * *

Долго обижаться я не умею. Не то чтобы я такая добро-сердечная, а просто мне становится ужасно скучно. Тем более что Ларчик вел себя как ангел, спустившийся с небес. Он варил мне кофе и выполнял все мои прихоти. Даже раздобыл пакетик круассанов – а где он сумел их найти, одному господу известно!

Однако, довольно благосклонно приняв его дары, я не удержалась и мрачно пропела:

– Утекай – в подворотне нас ждет маньяк...

Вот тут-то его терпение лопнуло!

Он сверкнул своими очами в мою сторону, хмыкнул, прошелся по комнате и наклонился надо мной, глядя прямо в мои глаза, исполненные, как вы и сами догадываетесь, детской чистоты и невинности.

– Послушай, Саша! – прошипел он. – Если ты думаешь, что мы с Ванцовым – пара законченных идиотов, которые подняли панику просто так, то...

– О нет, сэр! – пролепетала я. – Как можно! Вы доблестные рыцари, и образование ваше превосходно. Кто лучше вас умеет владеть мечом и боевым томагавком? Поэтому

я несколько не сомневаюсь в ваших достоинствах, как умственных, так и физических!

Хотя на самом деле я думала, что они и есть пара идиотов.

– Так вот, – поморщившись, продолжал Лариков. – Чтобы у тебя не оставалось сомнений в нашей правоте, я могу показать тебе несколько фотографий. Но я этого делать не хочу. Чтобы ты жила спокойно и не шарахалась от каждой тени. Пойми, глупая ты девочка, что положение очень серьезно!

– А может быть, мне просто перекраситься? – лениво произнесла я, накручивая на пальчик локон. – Например, в сиреневый цвет... Юная Нина Хаген! Слушай, Ларчик, я тебе буду нравиться в таком прикиде?

– Сашка! – закричал он гневно.

– Ну, Андрей! Не могу я спокойно слушать этот бред по поводу грозящих мне опасностей! – закричала я в ответ. – Я же все-таки не девочка из закрытого пансиона! Неужели ты думаешь, что мне не справиться с каким-то там психом? Да и с чего вы так уверены, что он обратит на меня свое внимание? Может быть, его все-таки интересует сексапильный материалчик?

– Знаешь, я устал тебя убеждать, – сдержанно сказал мой босс. – Тебе придется все-таки поступать так, как этого хотим мы.

Возразить я не успела. В нашу дверь, как всегда, не вовремя позвонили.

Обычно дверь открываю я, но на сей раз Ларчик меня опе-

редил.

Я лениво откинулась на спинку кресла, проворчав:

– Ну, что ж... Во всем, однако, есть свои плюсы. Буду вести себя как царица Савская, раз пошла такая музычка! Босс будет бегать по городу, высунув язык на плечо, открывать двери, как швейцар, а я, значит, перевоплощаюсь в Ни-ро Вульфа! Где мои орхидеи, в таком случае? Надо будет потребовать от Ларикова орхидеи!

Потребовать я их не успела, увы!

Мой босс вернулся в комнату с молодой дамой. А при посторонних я не могла вести себя неприлично. Иначе...

Иначе мама наверняка подвергла бы меня такому остракизму, что мало не показалось бы!

* * *

Вошедшую девицу я в свете своей новой роли окинула снисходительным взглядом. Получилось у меня это, видимо, неплохо, поскольку она стушевалась и покраснела.

– Добрый день, – пробормотала она, пытаясь справиться с охватившим ее волнением.

– Здравствуйте, – с ярко выраженным чувством собственного достоинства кивнула я.

– Я... вчера звонила.

Девушка, кстати, была очень хорошенькая. Я бы даже назвала ее «прелестной», поскольку это слово как нельзя боль-

ше подходило к ее внешности.

Самыми привлекательными в ее личике были глаза. Такие по-детски наивные и распахнутые, как у куклы. Да в ней вообще было нечто кукольное, но это ее нисколько не портило, наоборот! Вообще-то я терпеть не могу этот тип – маленькая Барби. Но гостя скорее напоминала фарфоровую куклу начала века. Даже одета была примерно так же – длинная клетчатая юбка, ботиночки со шнуровкой и черная куртка из замши с беленькой опушкой. Ее головку с роскошными русыми кудрями украшала шляпка, такая же, как куртка, а на плече болталась маленькая сумочка.

Ресницы у нее были такие длиннющие, что мне показалось, что ей их просто тяжело носить. Я сразу начала испытывать комплекс неполноценности рядом с этой красоткой. Когда видишь перед собой сногшибательную топ-модель, ты понимаешь, что она – плод усилий кучи косметологов и визажистов, и если они потрудятся так же усиленно и над тобой, может, получится даже лучше. Так что при лицезрении топ-модели особых комплексов не возникает. А вот когда ты видишь перед собой шедевр природы, становится немного не по себе.

Но я отвлекаюсь. Проще, наверное, коротко сообщить, что у нашей гостии были огромные фиалковые глаза, обрамленные длинными ресницами, стройная фигурка, маленькие ручки и ножки, и вся она была воплощением изящества.

Поэтому Лариков навечно потерял дар речи.

– Я вчера звонила, и вы позволили мне прийти, – снова повторила девушка, и я отметила, что даже волнение и смущение ей к лицу.

Босс стоял, как столб, не спуская восхищенных глаз с девушки. Она окончательно растерялась и посмотрела на меня умоляющим взглядом.

– Я... – снова начала она.

– Андрей, – тихо, но вполне угрожающе произнесла я.

Он вздрогнул. Уставившись на меня недоумевающим взглядом, он быстро прочел в моих глазах: «Во-первых, перестань пялиться на девушку, как сексуальный маньяк, а во-вторых, кажется...»

– Тебе не кажется, что нас надо представить друг другу? – елеинным голосом произнесла я.

– Да, конечно, – очнулся немедленно этот остолоп. – Это Александра. А это...

Он обернулся к девушке.

– Меня зовут Ритой, – улыбнулась она.

– Очень приятно, только не стойте так, теребя ремешок сумки! – попросила я. – Вот стул, который не упадет, вот стол, и скоро господин Ларииков изобразит нам кофе, дабы было легче беседовать. Ах да... Вот еще пепельница и сигареты, если вы курите.

– Я не курю, – покачала она головой. – И еще я не пью кофе. Лучше простой воды. Если честно, я ужасно волнуюсь! Я никогда еще не обращалась за помощью к детективам и

совсем не знаю, что сказать и как себя вести!

Выпалив все это, она села и выдохнула с облегчением.

– Я думаю, никакой особой формы поведения с детективами еще не придумали, – сообщила я. – Или до нас еще не дошло это новшество? Могу вам помочь только перечислением табу. То есть что нельзя делать с детективами. Их нельзя бить по голове, поскольку у них это слабое место, нельзя ломать им ноги, поскольку тогда детектив не может бегать по городу с высунутым языком за вашим неверным супругом, и, самое главное, – никогда, вы слышите, никогда не выходите за детектива замуж! Потому что он тут же начнет вас в чем-нибудь подозревать!

Последняя фраза предназначалась для моего босса, который явно начал вынашивать коварные матримониальные планы относительно прелестницы Риты.

Он мгновенно все понял, хмыкнул и удалился на некоторое время, чтобы вернуться с кофе и стаканом воды для Риты.

– Теперь, когда вы знаете, как надо себя с нами вести, поскольку Александра Сергеевна изложила вам это так четко и ясно, – со сладенькой улыбкой сказал Ларчик, – можно перейти к вашей проблеме.

Она глотнула воды и тихо спросила:

– А вы не будете смеяться?

– О, мы тут все время только и делаем, что смеемся над клиентами! – сказала я. – Просто умираем от смеха! Особен-

но этим страдает Андрей Петрович. Он как начнет смеяться, так не может остановиться! Приходится хлопать его по спине и отпаивать водой... Вообще, Рита, я бы на вашем месте была с ним осторожна.

– Почему? – удивилась она.

– Видите того мужчину на стене?

Я показала на «монстрилу».

– Да, – с ужасом оглядела Рита эту физиономию.

– Это мой жених, – сообщила я. – Лариков решил так наказать меня за неповиновение. Выдаст замуж за этого типа – и моя жизнь превратится в кошмар! Он даже вывесил его здесь специально для моего устрашения! Ну, ладно. Не будем о грустном. Давайте-ка лучше поговорим о том, что заставило вас к нам прийти.

– Я где-то видела этого человека, – вдруг сказала Рита, продолжая рассматривать моего «жениха». – Или мне кажется? Наверное, просто показалось. У него типичное лицо. А моя проблема...

Она вздохнула.

– В общем-то, она не моя. Но, наверное, надо все по порядку рассказать, да?

– Желательно, – согласились мы.

Кстати, даже мой сеанс остроумия Лариков не комментировал. Интересно, получится у меня его разозлить и оставить меня в покое, или он теперь до конца моих дней будет меня конвоировать?

– Ладно. Значит, по порядку...

Она задумчиво посмотрела в окно. Потом повертела в руках стакан и совсем тихонечко попросила:

– Только вы все-таки не смейтесь, хорошо?

– Да не будем мы смеяться, – заверила я ее. – Мы вовремя сдержим приступы хохота.

Она фыркнула.

– Тогда я постараюсь все рассказать попонятнее. Хотя как эту идиотскую ситуацию изложить понятнее... Настолько это все по-кретински выглядит!

Она почему-то рассерженно посмотрела на нашего «монстрилу», как будто именно он виноват в ее глупом положении.

– Я работаю в театре, – сообщила она нам без всякого перехода. – Театр у нас довольно необычный, но выбирать особо было не из чего. Вот и приходится работать именно там.

– То есть вам ваша работа не нравится?

– Нравится, – пожала она плечами. – Правда, немного странно там все трактуется. Как-то шиворот-навыворот. Вот сейчас у нас «Чайка», так наш Донатовский почему-то преподносит Чехова, как Сартра. Просто экзистенциалист какой-то, а не Антон Палыч! Повсюду запах смерти и извращений! Ну, да оставим это! Иногда мне кажется, что то, что

сейчас происходит с Лизой, – результат ее плодотворного общения с Донатовским. Она заиклилась на некой таинственной проблеме.

– Постойте, кто у нас Донатовский? И кто такая Лиза? Надеюсь, что Германа и старушек-графинь у нас не появится?

– Донатовский – наш режиссер. Лиза – моя подруга. Собственно, я к вам из-за нее и пришла. А старушки у нас только билетики отрывают и программки продают. Может быть, среди них и есть графини, но это не бросается в глаза...

Она нервно теребила в пальцах платок и кусала губы.

– Боже, как стыдно! – вдруг прошептала она. – Но другого выхода у меня просто нет! Послушайте, это правда, что вы можете следить за людьми?

Глава 3

Мы с Ларчиком переглянулись. Нас этот вопрос немного позабавил, но я больше не рискнула вставлять в разговор неуместные шутки.

– То есть как это – следить? – спросил осторожно Лариков.

– Я очень много читала про частных детективов, – произнесла смущенная «куколка». – Понимаете, мне нужно, чтобы вы немного последили за Лизой.

– Та-ак... – протянул Ларчик. Я предпочитала по-прежнему молчать.

– Вы не бойтесь, я вам заплачу! – горячо заверила нас Рита. – У меня есть деньги, и я думаю, чтобы понять, что там происходит, много времени не потребуется!

– А почему вдруг вам пришло в голову следить за вашей подругой? – спросил Ларчик.

Она молчала.

– Понимаете, Рита, это ведь очень странно выглядит. Вы приходите к нам и предлагаете такую работу...

– Я сейчас попробую вам все объяснить... Только, бога ради, не думайте, что я в чем-то ее подозреваю, – нет! Лиза очень славный человек. По крайней мере, была таковой до...

Она снова замаялась.

– До того, как? – спросил Лариков.

– До того, как ее зомбировали, – едва слышно проговорила Рита. – Только вы не думайте, что я говорю в буквальном смысле, хотя это очень похоже на вудуизм. Лиза осталась Лизой, и в то же время в ней произошла какая-то внутренняя перемена. Как будто в нее подселили еще кого-то, и теперь она только и занята тем, что пытается примирить себя прежнюю с настоящей.

– Рита, – наконец подала я голос. – А вам не кажется, что мы вам тут не помощники? Может быть, по проблемам психики все-таки логичнее было бы обратиться к психоаналитику?

– Дело не в психике, – упрямо заявила Рита. – И психоаналитик тут не сможет ничем помочь... Понимаете, мне кажется...

Она снова замолчала, долго разглядывала узор на моей чашке, а потом вдруг отчаянно выпалила:

– Мне кажется, что они замыслили убийство или еще какое-то преступление! А остановить я это не могу, потому что пока у меня только одни предположения! Пожалуйста, помогите мне! Я так устала от всей этой дребедени, что вряд ли смогу вам описать свое состояние!

И она так безнадежно посмотрела на нас с Ларчиком, что мы только плечами пожали.

– Для начала все-таки расскажите, в чем вы подозреваете вашу подругу, – вздохнул Ларчик. – А уж потом мы с Алек-

сандрой Сергеевной будем думать...

* * *

– Наш театр существует недавно, – начала свой рассказ Рита. – То есть сначала он был непрофессиональным. Поэтому большинство актеров у нас люди без специального образования. Фактически только четверо имеют театральную школу за плечами – сам Донатовский, Лиза, я и Федор. Наверное, поэтому у нас не всегда все получается согласно театральным канонам, но это ведь сейчас в моде... Так вот, мы с Лизой были знакомы еще с училища. Поэтому я так обеспокоена переменами, происшедшими с ней. Остальные этого как-то не замечают. Даже Федор... Он считает, что я просто сошла с ума, но это не так!

– А как он называется, ваш театр?

– «Анаконда», – едва слышно выговорила Рита.

– О боже! – произнесла я.

– Вам это название кажется странным, да?

– Нет, что вы... Сейчас как только театры не называют! Да хоть «Моргом», хоть «Коброй», хоть «Анакондой». Можно еще «Калигулой», например. Или «Синей Бородой». Наверное, в этом проявляется отражение всеобщего безумия...

– Наверное, – с легким вздохом согласилась Рита. – Но наш театр совсем не отражение. Он воплощение безумия... Но я об этом уже, кажется, говорила? Ладно, начнем все-та-

ки по порядку... Значит, в один прекрасный день мы с Лизой пришли в этот самый театр, потому что нам некуда было больше идти. Из города ни она, ни я уезжать не хотели, играть в ТЮЗе зайчиков тоже желания не было, а чтобы попасть в Драму, надо так извернуться, но на сие мы просто были не способны! Да мы и в то, что нас в эту «Анаконду» возьмут, слабо верили... Правда, человек, который нам посоветовал попытаться там счастья, сказал, что в ней так много платят, как нигде, и этот фактор, что греха таить, был решающим в выборе...

– А кто вам посоветовал туда идти? – спросила я.

– Лизина сестра, – ответила Рита.

– Она тоже актриса?

– В некотором роде... Да, наверное, ее можно так назвать.

– Почему? Уточните, пожалуйста!

– Видите ли, – покраснела Рита. – Валера работает в пип-шоу.

– В чем? – не поняла я.

– В стриптизе, – еще тише сказала Рита. – Так что я не знаю, считается ли это актерской работой или нет. Наверное, все-таки да. Потому что это ведь тоже искусство!

– И что самое примечательное, доступное далеко не каждой женщине, – не удержавшись, проворчала я.

Она снова не уловила моей иронии или сделала вид, что не уловила?

– Да, именно Валера нас туда и устроила! Потому что у

нее с Донатовским были довольно близкие отношения, вот так мы там и оказались.

– А что же она сама? – поинтересовалась я. – Если у нее с господином Донатовским были такие чудесные отношения, почему она работала стриптизершей, а не подалась в эту вашу «Анаконду»?

– Не знаю, – пожалала она плечами, несколько растерявшись. – Я никогда об этом не думала... Может быть, потому, что у нее никогда не было особенного актерского таланта? Она любит музыку, танец... Да нет, ей просто было бы скучно в «Анаконде»!

– То есть, как я поняла, вы с самого начала благодаря этой Валерии оказались в привилегированном положении?

– Пожалуй, это можно отнести только к Лизе, – сказала Рита. – Но, я думаю, дело было не в Валере. Дело было в отношении к ней Донатовского.

– То есть между ними близкие отношения?

– Как? – не поняла меня Рита.

– Ну, они любовники, или...

– Нет, что вы! У Донатовского совершенно другое отношение к Лизе! Если сама она и хочет подобных отношений с Константином Геннадьевичем, то он слишком занят театром! Он помешан на театре, понимаете? И к тому же для него самое страшное – это банальность и пошлость!

Ох, кажется, он меня заинтриговал, этот тип! Назвать театр змеиным именем и не любить банальность – это, конеч-

но, качества интересного человека!

И я сразу представила себе такого самодовольного типа, вальяжного, как большой диван, и высокомерного, как напольная ваза!

Терпеть не могу такой тип людей!

Наверняка у него похотливый взгляд, очки и белое кашне!
И черная шляпища с полями, как у сомбреро...

– Сначала все было нормально. Мы тогда ставили «В ожидании Годо». Вы, наверное, не знаете этой пьесы?

Я сделала глубокий вдох.

Ну, почему все эти богемные дамочки всегда почитают меня за идиотку?

– Мне больше нравится «Лысая певица», – улыбнулась я. – А если говорить серьезно, я вообще не люблю ни Беккета, ни Ионеско. Может быть, это кому-то нравится, я не спорю, поскольку это полный кретинизм – спорить о вкусах, но мне как-то понятнее Стоппард. Но я человек не типичный, – например, мне ужасно не понравился «Гамлет» в постановке Питера Штайна! Весь мир кричал в порыве восторга, а я, что называется, скептически молчала. Может быть, я ужасно старомодна?

Она окинула меня удивленным взглядом.

– Нет, – покачала она головой. – Я бы этого не сказала...
Вы, наверное, любите больше Шекспира, да?

– Больше кого? Шекспира можно просто любить и признать, что он – больше всех, – произнесла я. – Ну, да не бу-

дем тревожить покой великих теней. Вернемся к вашим «баранам». Что такое произошло с вашей подругой и вызвало у вас такую тревогу, что вы пришли сюда?

– Она... Ладно, сейчас я вам лучше покажу две фотографии...

Она полезла в сумочку и достала два фотоснимка.

– Вот, видите, – сказала Рита, выкладывая их перед нами на стол. – Только я потом скажу вам, сколько времени прошло между первым снимком и вторым, ладно?

Я присвистнула.

На первом снимке совсем молоденькая, хорошенькая девушка с рыжими кудряшками смотрела таким ясным, детским и смеющимся взором, что при взгляде на второй у меня все внутри похолодело. Потому что на нем была та же самая особа, только... Как бы это сказать?

Она будто постарела лет на двадцать. Черты лица заострились, волосы теперь стали прямыми и темными, а в глазах была пустота и такая беспросветная грусть, что я невольно охнула.

– Боже!

– Вы поняли? – тихо спросила Рита. – А разница между снимками – ровно полгода. Полгода, представляете?

* * *

Конечно, можно предположить, что эта девочка смертель-

но больна. Можно подумать, что у нее патологически не сложилась личная жизнь.

Наконец, можно заподозрить ее в злоупотреблении алкоголем и наркотиками.

– Она не баловалась шприцем? – поинтересовалась я.

– Нет, – покачала головой Рита. – Я про это не знаю. Может быть, но мне все-таки кажется, что нет.

Та-а-к...

– А каких-то крупных неприятностей у нее не было?

– Да что вы! Лиза – самая талантливая в театре! К тому же она, как и Донатовский, предана театру так, что все остальное для нее ничего не значит!

– А болезни? Может быть, она была чем-то больна?

– Нет, это я могу сказать вам наверняка! Потому что моя мама делала полное обследование Лизы у себя в клинике... Моя мама – врач.

– А вы не пытались поговорить с ней откровенно?

– Пыталась, – развела она руками. – Может быть, вам это лучше удастся? О боже! Ну, почему мы говорим о Лизе, как будто ее вообще уже нет?!

А и правда...

– Так что вы от нас хотите?

– Последите за ней незаметно, – попросила она. – Понимаете, я уверена, что она вляпалась в какую-то темную историю, про которую просто предпочитает не говорить... И я боюсь за нее.

– Рита, и все-таки я не могу понять, почему вы так относитесь к своей подруге? Даже готовы выложить круглую сумму... Вы что, так ее любите?

– У меня просто одна-единственная подруга, – произнесла Рита. – Одна. Которая всегда была рядом со мной. У меня, например, никогда не было сестры. И...

Она опять замолчала, но потом решительно посмотрела мне в глаза, перевела взгляд на Ларикова и сказала:

– Она спасла мне когда-то жизнь. Бросилась вытаскивать меня из воды, плавая не намного лучше, чем я. Я не могу этого забыть... У нее никого нет, кроме меня. Валера... В принципе, Валера уже давно живет своей жизнью. Ее никогда особенно не занимали Лизины проблемы. Родители? Вы бы их видели! Их волнует только телевизор и личная жизнь соседей. Так что, получается, Лиза нужна только мне. И я заплачу вам любые деньги, если вы мне поможете.

Я не могла понять, как мне следует относиться к этой странной девушке.

Переглянувшись с Лариковым, я поняла, что он точно так же находится в недоумении, как и я.

«Что будем делать?» – спросила я его взглядом. Он пожал плечами.

Рита посмотрела на нас и истолковала жест Ларчика по-своему.

– Ладно, простите меня за то, что вас побеспокоила...

Она поднялась и направилась к двери.

– Постойте, – остановила я ее. – Мы... Давайте так – мы подумаем, а потом я вам перезвоню. Хорошо? Или вы мне. Вечером. Пойдет?

Она посмотрела на меня с такой щенячей благодарностью, что я могла бы дать ответ уже сейчас, – в конце концов, может быть, куда лучше следить за молоденькой актрисой, чем за чьей-то-там любовницей?

– Спасибо, – пролепетала Рита и чмокнула меня в щеку.

– А я-то думала, что младше меня в этом детсаду детишек нет, – проворчала я, провожая взглядом ее хрупкую фигуру.

Глава 4

– Ну, и что ты по этому поводу думаешь, Андрей? – поинтересовалась я спустя некоторое время.

Он пожал плечами.

– Глубокомысленный жест, – рассмеялась я. – Ситуация странная, тебе не кажется?

– Кажется, – согласился он. – Но вот в чем дело, Саша... По крайней мере, в этом ведь нет ничего предосудительного.

– Как это нет? – возмутилась я. – Ты веришь этой хорошенькой девице, что она только обеспокоена состоянием подруги и не замышляет ничего дурного? Например, эти самые Лиза – Рита – Донатовский составляют банальный любовный треугольник, и Рита решила воспользоваться нашими услугами, чтобы доказать Лизину порочность, например. Мы следим, делаем фотографии, а потом Рита выкладывает их перед господином Донатовским...

– Ерунда, – фыркнул Лариков. – Насколько мне известно, театральную братию удивить чем-то трудно. Они к пороку привыкшие...

– В любом правиле бывают исключения, – парировала я. – Не то чтобы я заступаюсь за Донатовского – я его совсем не знаю, просто объясняю тебе, почему мне вся эта ситуация кажется ненормальной и подозрительной...

– Наше дело маленькое, – ответил босс. – Помочь клиенту

и порадоваться, что дело, в общем-то, не особенно связано с риском. К тому же, судя по ее виду, она вряд ли располагает большими средствами, и вся наша работа – занятие на день, не больше. Зато будут деньги.

– Ты циник, – возмутилась я. – А если наша очаровательная Рита – чудовище?

– О господи! – возвел глаза к небесам Ларчик. – Сашка, ты, ей-богу, потрясая своей склонностью все драматизировать-романтизировать! Давай-ка успокоимся и вспомним старенькую пословицу – утро вечера мудренее! В конце концов, начнем работать, и все немного прояснится!

– Я хочу сразу попросить тебя об одной вещи, – сказала я. – Если я, предположим, обнаружу, что Рита ведет грязную игру, то верну ей деньги и не стану в этом участвовать.

– Александра!

– Ларчик! Я не могу идти против своих убеждений!

– Тогда ты никогда не сможешь вырасти в приличного детектива, – развел он руками. – Я сто раз говорил тебе, что большинство сыщиков – беспринципны...

– Я просто останусь в меньшинстве, – улыбнулась я ему. – Тем более что ты-то тоже пребываешь в том же самом меньшинстве!

Он рассмеялся.

– У тебя это получилось немного двусмысленно...

– Каждый судит по себе, – парировала я.

– Не хами начальству.

– Знаешь, ничего не могу с собой иногда поделаться! – вздохнула я. – Огорчает такая черта моего характера несказанно, но... Увы! Нахамить начальству так приятно...

– Так как поступим с нашими барышнями?

– Андрей, я могу взять их на себя. Но ты же сам меня не выпускаешь на улицу в связи с осадным положением!

– Можно работать вдвоем, – предложил он.

– А не много ли чести одной красавице с фиалковыми глазами? – хмыкнула я. – Как бы у нее не началась мания величия... Проблема выеденного яйца не стоит. И насколько мне известно, вы сейчас с Ванцовым заняты более важными делами...

– Ладно, придумаем что-нибудь, – сказал он. – В конце концов, Ванцов сам может управиться...

– Кстати, как там дела?

– Глухо, – развел он руками. – Столько народу подняли на ноги, а паренек наш будто в тумане тает. Девушки пропадают, потом находятся – лучше бы и не находились! Тот фоторобот, который чудом удалось составить по показаниям одной, – нет, Сашка, ты только подумай! Всего одной свидетельницы! Да и той не знаешь, как верить, потому что это пьяная бомжовка! Кошмар, честное слово! Так что пока не случится чуда и мы все-таки общими усилиями эту сволочь не обнаружим, тебе придется терпеть мое постоянное присутствие!

Я вздохнула. Меня это, в общем-то, не очень беспокоило,

его присутствие, если честно. Спокойнее было – вот только я чувствовала себя маленькой и беззащитной, и меня это немножко раздражало.

Хотя, если вы думаете, что я совершенно не боюсь маньяков, вы ошибаетесь!

Еще как боюсь...

* * *

Вечера, которые удастся провести дома так, чтобы не за-
явиться в одиннадцать ночи, еле стоя на ногах от усталости
и с единственным желанием – доползти до кровати и рух-
нуть, у меня бывают редко. Может, поэтому и воспринима-
ются как праздники. Можно с шести до одиннадцати пре-
даваться своим делам: читать, смотреть фильмы или просто
блаженно валяться на кровати, изучая потолок и ни о чем
не думая!

Мамы дома не было. Я сварила кофе, даже радуясь, что
никто не будет считать, какую чашку по счету я выпиваю.

Потом включила магнитофон. Пенс подарил мне «Ночи
Блэкмора». Совершенно потрясающая музыка – баллады че-
тырнадцатого века, с акустической гитарой и хрупким жен-
ским вокалом.

Я закрыла глаза и предавалась любимому занятию – то
бишь «мечтаниям бесплодным».

Уж не знаю, какой кретин придумал, что мечты – заня-

тие для бездельников. Ну, конечно, вот сейчас займусь общественно полезным трудом на радость обществу, которому, может быть, просто не хватает фантазии?

Или всех все в жизни устраивает?

Меня вот не устраивает то, что я родилась не в своем веке. Мой век – четырнадцатый. И уж раз так получилось, что я оказалась в двадцать первом, могу я хотя бы помечтать о «своем времени»?

В общем, я представляла себя рыжеволосой ирландочкой, ожидающей рыцаря (нетрудно догадаться, кто был моим рыцарем, но для недогадливых поясню, что это был Пенс). Только в данный момент Пенс рыскал по свету в поисках Грааля, а я, бедняжка, томила в одиночестве.

Томила я красиво, как и подобает прекрасной и юной ирландке, предварительно перевоплотив в воображении моего попугая в диковинную колибри. Попугай с этим соглашаться не собирался и громко орал, иногда перекрывая музыку.

Но в самый прекрасный момент, когда вот-вот мой рыцарь должен был явиться на пороге, в дверь позвонили.

Мама без ключей не ходила, поэтому это мог быть только мой «рыцарь» в современном своем обличье.

Открыв дверь, я со вздохом поняла, как ошиблась.

Эльвира влетела, как ветер.

– Сашка, детка, я вернулась! В этих Эмиратах такая буза... Конечно, поэтому я и не польстилась на шейхов и маг-

натов... Они попросту свели бы меня с ума. Представь себе, все жирнющие, а губы, как силиконовые! Просто ужас, а не мужики... Ой, кофе!

– Сначаланими шапку, а потом получишь кофе, – сказала я.

– Вот уж и нетушки, – хитро улыбнулась моя подруга. – Под шапочкой у нас «сюрприз», я хочу сполна насладиться эффектом!

Она тут же переключилась на Пафнутия, бросившись к нему.

– Пафничка красивый! Эльвира так скучала по Пафни! – сюсюкала она со сразу подобревшим попугаем. Теперь он перестал орать и внимательно слушал комплименты, удовлетворенно наклонив головку.

Потом она, слава богу, успокоилась. И, окинув меня торжественным взором, сказала:

– Ну, вот, Данич! Смотри и падай со стула в немом восхищении!

С этими словами она стянула с себя шапку. И я в самом деле застыла с открытым ртом.

Вместо ее смоляных кудрей... О ноу!

Теперь по спине Эльвиры струился водопад рыжих кудрей!

Вот теперь я поняла, что испытывали Лариков с Ванцовым!

Впору было немедленно перекрашивать эту глупышку назад, в черный цвет...

Или начать ходить уж всем вместе, как на демонстрации.

– О боже, – выдохнула я. – Зачем ты это сделала?

Она недоуменно вытаращилась на меня и сказала:

– Потому что нормальная женщина в момент депрессии должна быстренько менять свою внешность. Я прочла это в женском журнале.

– Вот уж нашла, где искать советы! – фыркнула я.

– А где мне их искать? – поинтересовалась моя подруга, которая, сама того не ведая, только что распростилась со спокойной жизнью, превратившись в потенциальную жертву маньяка. – У твоего Вийона, что ли?

– Элька, твой поступок был самым несвоевременным, – сказала я. – Давай перекрасимся!

– Вот уж никогда не думала, что ты такая занудная вредина, – фыркнула Эльвира. – Значит, только тебе можно быть рыжей, а остальным нет?

– В свете последних уголовных хроник вообще никому нежелательно быть таковыми, – вздохнула я. – Ты что, не смотришь телевизор?

– Вот уж чего я там не смотрю, так это новости, рекламу и уголовную хронику, – сообщила мне Эльвира. – Потому что в рекламе все с глупыми глазами, а в новостях и этой твоей хронике – со страшными. Правда, последнее время они и в рекламе пытаются испугать насмерть... Как в этой жуткой порнухе про дозиметры! Такой загробный голос – вы не знаете, в какой квартире живете, вы не знаете, какие фрукты вы едите... Купите наш дозиметр, чтобы все это знать! А куда я денусь из своей радиоактивной квартиры? Мне что, веселее, что ли, станет жить, когда я все узнаю?

– Умножающий знание умножает скорбь, – вздохнув, согласилась я.

– Так что я не знаю, почему нормальной женщине нельзя перекраситься в рыжий цвет и почему я должна узнать об этом из криминальной хроники... Это что, теперь преследуется законом?

– Да нет, – сказала я.

– Тогда объясняй! А то ты сказала «а», а остальное я должна додумывать собственными силами. У меня после поисков удачной партии их совсем не осталось!

– А если ты напугаешься?

– Я?!

Она даже подпрыгнула от возмущения.

– Данич, ты меня за несколько мгновений нашего общения уже умудрилась столько раз обидеть, что я тебя, кажется, сейчас стукну по твоей чересчур умной башке! Как же тебе

не стыдно, кикимора ты болотная?

– Предположим, тебе просто не идет рыжий цвет, – наврала я.

Рыжие волосы шли Эльвире куда больше, чем мне.

– Сейчас прольется чья-то кровь, – мрачно и многообещающе ухмыльнулась Эльвира. – Сдается мне, это будет именно твоя кровь, детка...

Пропустив угрозу мимо ушей, я задумалась, как бы ей преподнести всю эту смурь под удобоваримым соусом. Чтобы она не напугалась до смерти, но и не хмыкнула пренебрежительно.

Зная свою подругу, я могла ожидать как первой реакции, так и второй.

– Ну, ладно, слушай, если тебе так это интересно, – вздохнула я.

– Да это мне неинтересно, просто аргументируй свое негативное отношение к моему новому цвету волос! Может, ты боишься, что теперь Пенс прельстится моей красотой?

– Господи, Элька! При чем тут вообще Пенс?! Дело не в Пенсе.

Я вздохнула, оглядев ее с сожалением.

– Дело в этом чертовом маньяке, – решительно выпалила я.

* * *

– Боже ты мой! – сказала Эльвира, закатывая глаза, когда я описала ей все зверства и кошмары. – Знаешь, Сашка, чего вам всем отчаянно не хватает?

– Кому вам?

– Тем, кто связан с преступными элементами. Вам не хватает свободы дыхания. Вы погрязли в мутной луже и ни о чем другом просто думать не в состоянии. Она встала. Гордо потряхнула своими волосами и сообщила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.